

М.К. Кудрявцев

СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА

Прежде чем говорить о сентябре 1942 года, надо сказать о некоторых предшествовавших событиях в моей военной биографии.

Я был мобилизован 1 июля 1941 года. Будучи топографом со званием старшего воентехника, т.е. с тремя кубиками в петлицах, я попал в 8-й топографический отряд. Расположенный в Ленинграде, он занимался картографированием. 31 июля я был отправлен на фронт в соединение, именовавшееся «Кингисеппский участок обороны», на должность старшего топографа корпуса. Но оказалось, что должность эту уже занимал мой однокурсник по техникуму. Начальник штаба прикомандировал меня к штабу артиллерии на несуществующую в его штате должность старшего топографа. Так я стал артиллеристом.

Мне довелось быть участником двух попыток прорвать оборону немцев под Ленинградом со стороны Волховского фронта. В марте—апреле 1942 года наши части вновь начали штурм немецких укреплений в районе Погостья, где была повторена январская попытка. Бои были трудные, немцев оттеснили за линию железнодорожной магистрали Ленинград—Москва, но развить успех не удалось.

В сентябре 1942 года было предпринято большое наступление в направлении Невской Дубровки, на соединение с защитниками этого плацдарма, обильно политого кровью наших солдат. О знаменитой Невской Дубровке надо писать книгу, где каждая страница — это

Михаил Константинович Кудрявцев, индолог, доктор исторических наук. Подполковник. Участник боев Ленинградского, Волховского, 1-го и 2-го Украинских фронтов. Многие сделал для увековечения памяти однополчан и наших ветеранов. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда» и другими.

тысячи погибших во имя нашей Победы. Такую же трагическую, но полную героизма повесть можно писать о тех, кто шел на прорыв к защитникам плацдарма.

Немецкая оборона была прорвана, в прорыв вошло около корпуса, однако она была слишком глубока, а наступление наших частей не было поддержано на флангах и на других участках. Нас окружили. Кончались боеприпасы, продовольствие. В котелках варили мясо наших коней, убитых две недели назад. Из окружения прорывались с боем. Прорвались немногие. Из артиллерийского полка, в котором я служил, вышло около 30 человек. В моей батарее — я был тогда заместителем комбата — вышли 9 человек из 57, из них 5 — тяжело раненых.

После сентябрьских боев 1942 года пришлось быть в обороне на Волховском фронте у так называемого «Сокольега моха». Гиблые места. Много наших полегло там, но немец дальше не прошел. А потом отсюда его погнали на Запад и гнали от Синявинских и Мгинских болот до Берлина. В этих наступательных боях под Ленинградом мне не довелось участвовать: мою часть перебросили на Степной фронт, где началось наше крупное наступление.

...Немцы нажимали. Они взяли Кингисепп, затем Ивановское и все больше теснили нас к Ленинграду. 8 сентября 1941 года в печальный для ленинградцев день бомбардировки немецкой авиацией Бадаевских продовольственных складов рано утром, избежав пленения, мы прибыли в Ленинград. Вскоре наш штаб артиллерии в полном составе влился в Невскую оперативную группу, штаб которой стоял в Колтушах, а фронт проходил по правому берегу Невы вниз от Шлиссельбурга. Он включал и плацдарм на левом берегу Невы, ставший известным как Невский «пяточок».

В начале ноября основной состав нашего штаба был отозван в Штаб артиллерии внутренней обороны Ленинграда.

Не имея специального образования в крупных артиллерийских штабах, я получил некоторые навыки оперативной работы, часто выполняя функции оперативного дежурного. Но в начале февраля 1942 года меня вывели в резерв, а 16 февраля отправили на Волховский фронт, через Ладожское озеро. Здесь, в 294-й стрелковой дивизии, началась для меня не оперативная, а уже строевая артиллерийская служба. Начиная с командира взвода.

В марте наша дивизия получила пополнение. К нам пришли сибиряки, в полушубках и валенках, тогда как мы буквально околевали в

шинелях и сапогах (морозы-то были жестокие). В составе 54-й армии в марте же мы начали наступление, с целью овладения Любанью с северо-востока. Немцы оказали упорное сопротивление, тем не менее мы взяли разъезды Погостье и Шала на железнодорожной линии Москва—Бутырская и продвинулись вперед.

Не могу не рассказать об одном эпизоде. В ходе наступления на месте бывшего торфяного поселка Шала должен был расположиться штаб дивизии. Меня с несколькими солдатами послали выбрать лес для рубки на накат землянок. Выйдя на опушку, мы увидели просеку, в начале которой были две пирамиды стреляных гильз. Поняли, что здесь стояли два спаренных пулемета немцев. Тут же на просеке начиная от пулеметов и в глубь леса лежало множество наших солдат, окоченевших в самых причудливых позах. Впереди был командир с тремя кубиками в петлицах. Все были с лыжами.

Вернулись в штаб, доложили. Оказалось, накануне ночью в обход Шалы был выслан наш лыжный батальон. Как стало очевидным, немецкие пулеметчики подпустили его по просеке (а иначе лыжники и не могли идти по лесу) вплотную к пулеметам и открыли бешеный огонь. В таких условиях едва ли кто из батальона уцелел. Начальство вызвало трофейно-похоронную команду убирать убитых, а штаб дивизии не остановился здесь и за войсками двинулся вперед. Наши потери были такими, что за несколько дней наступления мало кто остался от сибирского пополнения и от дивизии вообще. В каждом полку остались несколько десятков активных штыков. Когда потребовалось провести разведку, возглавил ее сам командир дивизии, собрав в нее уже не разведчиков, которых не было, а солдат, обслуживающих штаб дивизии и тылы. Вся разведка во главе с командиром дивизии погибла. Наше наступление остановилось далеко от Любани, и мы стали в оборону на реке Смердынке. Не меньшие потери в это время понесла и еще меньших успехов добилась 2-я ударная армия под командованием печально известного генерала Власова, наступавшая на Любань с юга.

Летом 1942 года я был назначен заместителем командира первой батареи 849-го артиллерийского полка 294-й стрелковой дивизии. Командиром батареи был молодой тогда парень лет 23—24 Иван Пашков. В должности его заместителя со званием старшего воентехника я был и в сентябре 1942 года, о котором и пойдет речь.

Дивизия наша уже летом 1942 года была снята с обороны под Смердынкой, выведена на некоторое время на оборонительные позиции севернее, по реке Назия, здесь пополнена, а затем переведена

севернее железнодорожной линии Ленинград—Волховстрой и передана состоявшей в резерве 2-й ударной армии.

В августе Волховским фронтом совместно с Ленинградским была задумана операция по прорыву блокады Ленинграда. Войска Волховского фронта должны были прорвать оборону противника южнее Ладожского озера, взять Синявино и устремиться через торфяные поселки к Неве, откуда навстречу ему должны были двинуться с Невского плацдарма войска Ленинградского фронта. Встреча войск должна была произойти где-то севернее Синявина. Не знаю, как она именовалась официально, а в войсках получила название Синявинской операции.

27—28 августа 1942 года операцию начала стоявшая на правом фланге Волховского фронта 8-я армия. Противник стоял упорно на хорошо оборудованных позициях. Однако севернее деревни Гайтолово, вдоль высоковольтной линии, идущей от Волховстроя в Ленинград, войскам удалось прорвать эту оборону на узком участке и закрепиться в глубине вражеской обороны. Но немцы наседали, и потери прорвавшихся частей были велики. Командование фронта решило бросить в прорыв бывшую в резерве фронта 2-ю ударную армию (в том числе нашу 294-ю дивизию). Перед ней ставилась задача взять Синявино и, развивая наступление, выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта.

Не знаю, когда выступили с места сосредоточения наши стрелковые полки, а артполк выступил в ночь на 4 сентября. Командование рассчитывало, что мощный удар свежих сил через прорыв на Синявино будет неотвратим и четвертого же числа мы соединимся с Ленинградским фронтом. Во всяком случае, такая задача ставилась перед дивизией и доводилась до сведения людей, до рот и батарей...

Наши пушечные батареи (76-миллиметровые пушки 1931 года на гаубичном лафете) были на конной тяге. Каждую везла шестерка крупных артиллерийских лошадей (3 пары), да еще повозки со снарядами и снаряжением. Орудийные расчеты шли пешком. Так что для артиллерии и авиации противника батарея на марше представляла заметную цель. Однако до нашего подхода к месту прорыва нас никто не беспокоил. И только в месте бывшего прорыва, севернее деревни Гайтолово, на дороге, идущей вдоль высоковольтной линии, неожиданно с флангов нас обстреляли пулеметы. Стрельба была беспорядочной, но столь интенсивной, что мне пришлось скомандовать батарее «рысью марш!». И мы помчались по совершенно разбитой воронками военной дороге.

А почему командовал именно я, следует объяснить. Командир ба-

тареи Пашков был в это время, как и положено, в боевых порядках передовых стрелковых частей, т.е. в одном из полков. Заместитель его должен в этом случае командовать батареей, занимать огневые позиции и вести огонь по командам командира батареи, находящегося где-то на передовом наблюдательном пункте (НП). В этом случае заместитель официально считался «старшим на батарее».

Я вел батарею в составе трех орудий, так как одно из них в это время было в ремонте.

Три орудия — это восемнадцать только артиллерийских коней да еще обоз. И я и солдаты шли, а где-то и бежали, пешком. На спуске к реке Черной мы оказались вне поля зрения немцев, и фланговый огонь по нам прекратился. Но сама речка, уже без моста, составляла изрядное препятствие для орудий. В этом случае командуются «расчет на колеса» и общими силами пушки преодолевают препятствие.

Только мы выбрались из речки, как услышали шум сильной бомбардировки. Сначала подумали, наконец-то начальство удостоило нас артподготовки. Но, увы, артиллерийским огнем, авиацией, не говоря уж о танках, наше наступление так и не было поддержано. Это была интенсивная бомбардировка немецкой авиацией наших передовых частей. В ней погиб почти полностью один из наших батальонов, и сильно пострадал полк.

Не доходя до Синявина на полтора-два километра, войска наши были остановлены противником. Синявино было расположено высоко, на неожиданно для этих мест крутой горе, а наши части заняли позиции на болоте под горой, и хорошо еще в лесу, а не на открытом месте.

Пройдя от Черной речки километра два вдоль высоковольтки, мы свернули по дороге направо, и я получил приказ от командира дивизиона стать на огневые позиции на опушке леса. Она оказалась единственно удобной позицией в этих местах, так как перед орудиями была чистая поляна и не пришлось вырубать сектор обстрела. Рядом с моей стали на огневые позиции еще две пушечные батареи нашего полка. Командиры этих батарей, как и мой, были на передовых наблюдательных пунктах, километрах в полутора от нас.

Мы поставили орудия (у меня их было три, а у соседей — тоже неполный состав) и одновременно выкопали ямы для укрытия лошадей. На это ушло утро. Себе землянки вырыть не успели, ограничились «щелями». Еще не сделав ни одного выстрела, подверглись бомбардировке с воздуха. Уже не помню, сколько погибло людей, но лошадей артиллерийских погибло 14 из 18. Их хомуты мы сложили пирамидкой на высоком пеньке, в непосредственном тылу батареи.

Тем временем взводы управления установили телефонную связь с наблюдательным пунктом командира батареи. Заработала и радиосвязь. Начали вести огонь. Вместе с тем надо было похоронить убитых, эвакуировать раненых, зарыть трупы лошадей, накормить людей. Всем этим мне пришлось заниматься с первого дня сентябрьских боев, и я почувствовал, что такое — командовать батареей. Ни мне, ни солдатам было не до сна, особенно если расчеты вели огонь и грохотали наши орудия, а еще хуже, когда нас громили вражеская артиллерия и авиация. А так было ежедневно и по многу раз в день. Все те же обязанности вести ответный огонь, хоронить убитых, эвакуировать раненых, а вскоре и добывать боеприпасы... Тем не менее как-то спали по часу-два, уже не ночью, а когда как придется.

Через несколько дней из личного состава батареи почти не осталось боеспособных солдат. Пополнение нам приходило из полка, из состава тех батарей, которые не стояли на огневых позициях. И так, мы — три неполные батареи — перевели на своих огневых к концу сентября весь солдатский состав полка, за исключением некоторых обозных и других тыловиков, так или иначе пробывавшихся к нам, снабжавших нас продовольствием и боеприпасами и увозивших раненых.

С боеприпасами становилось все хуже. Многие повозочные не только нашего полка и нашей дивизии не доезжали до нас, подвергались артиллерийским налетам и сваливали снаряды на обочине дороги.

Через неделю расчеты вырыли себе блиндажи и накрыли их в 2—3 наката. У радистов была крытая щель. Тем не менее большую часть дня люди были на поверхности. Крутился между ними и я, выполняя свои обязанности. И первое время людей удивляло, что вот они непрерывно убывают в числе и меняются в составе, а я все жив и даже не ранен. Случалось, что во время артналета, минометного обстрела или бомбежки застигнутые ими солдаты бежали на то место, где лежал я, и ложились рядом. Подобные перебежки были опасны. Но они думали, что я, командир, знаю, где лечь, и потому жив. А у меня было правило: где застал обстрел, там же и лечь, не поднимая головы и, как тогда говорили, «нюхал землю».

Но раз обстрел тяжелыми снарядами застал меня у щели радистов. Их было двое. Щель их была крытая. Не раздумывая, туда влетел один солдат и лег на живот на дне. На него свалился и я и лег таким же манером. На мне лежали еще два радиста. Вдруг над нами — страшный разрыв, и землянка стала осыпаться. Мы уже задыхались от пыли и от земли. Обстрел прекратился, и я слышу под собой стон. Радисты

встали и вытащили нас. Солдатик мой стонет, и гимнастерка на спине порвана. На спине, на которой я лежал грудью... Задрали гимнастерку, а там поперек спины неглубокая, но рваная рана. Я посмотрел себе на грудь. Гимнастерка грязная, но цела, и у меня — ни царапины. Оказывается, над нами на сосне разорвался тяжелый снаряд и так потряс землянку, что какая-то щепка (так мы решили) от обшивки прошла по солдатской спине. Однако его пришлось эвакуировать в медсанбат.

После многочисленных бомбежек и артобстрелов в течение первых дней немцы, по-видимому, считали нас уничтоженными. Но сильно пострадавшие наши батареи вели огонь и, вероятно, доставляли немцам немало неприятностей. Наше положение досадной цели для немцев усугубилось, когда практически перестала действовать проводная связь, и стреляли мы только по радию. Дело в том, что тянуть постоянно рвавшийся телефонный провод на наблюдательный пункт командира батареи стало слишком опасно. Пространство между ним и батареей интенсивно простреливалось ружейно-пулеметным огнем и минометами. Надо было беречь людей, и мы перешли на радию. Помню, как посылал на линию с катушкой молодого украинского парня, а он расплакался. Смотрит мне в глаза и ревет, как ребенок, у которого отняли куклу. Я ему объясняю, что за невыполнение приказа командира его могут расстрелять по законам войны, а он ревет, захлебываясь. Пришлось послать другого солдата на линию. А этот так и не дождал до лучших времен — стал жертвой одного из артналетов.

Так вот, вынуждены мы были стрелять по радио, т.е. в открытую для немцев. А они, как услышат: «Лето, Лето, я Овод, как слышите, прием», так и обрушиваются всеми средствами на давно «похороненную» ими батарею.

На вызов расчетов к орудиям и стрельбу у нас оставались минуты. Кроме того над нами часто висела «рама» — разведывательный самолет немцев, всегда готовый вызвать на нас огонь немецкой артиллерии. А у нас был приказ: во время бомбардировок, артналетов и когда немецкие самолеты над нами, не вызывать расчеты к орудиям и, следовательно, не стрелять. Мне случилось пойти в землянку комиссара батареи (ставшего к этому времени комиссаром дивизиона), расположенную метрах в 60—80 в тылах огневых позиций. Над нами висела «рама», и я приказал командирам взводов не стрелять, т.е. без меня не поднимать расчеты к орудиям ни по каким приказам. Пяти минут я не провел с комиссаром, как услышал, что мои орудия заговорили, и тут же начался немецкий обстрел. Очень густо ложились их снаряды. Я бросился к батарее, но даже не шел, а полз. Тем более, что снаряд

попал в штабель с нашими снарядами, они загорелись, образовался дым. Лежащее поперек дерево я преодолевал не сверху, а снизу, хотя, как мне казалось, там была всего десятисантиметровая щель. Обстрел прекратился, и на накате нашей землянки, в которую почти упиралось хоботом одно орудие, лежал солдат, застигнутый часовым у землянки в момент обстрела. Он был в шинели, изрешеченной разорвавшейся перед ним миной. Даже нести его было трудно, так он был изрублен осколками в упор. Расчеты же вовремя успели укрыться в щелях и блиндажах.

На огневых позициях наших батарей за все время не побывали даже их командиры, не говоря уж о полковом начальстве. С ними мы связывались по телефону, а позднее — только по радиии. Иногда команду на огонь мы получали из штаба полка, который слабо представлял себе обстановку на батареях. И телефон, и радиия были из трех батарей только у меня. Поэтому фактически я был старшим на трех батареях, и забот у меня стало втрое больше. Так, к двадцатым числам сентября подвоз снарядов нам совсем прекратился. Приходилось брать 2—3 солдат и выходить на дорогу вдоль высоковольтки в поисках снарядов за километр-полтора. Больше двух снарядов одному трудно принести, а иногда их и вовсе не было. Приходилось с солдатами посылать либо командира взвода, либо идти самому. И вот случай солдатского счастья. Когда мы с бойцом искали снаряды, по той же дороге в тыл шел какой-то солдат. По нашей группе был произведен короткий артналет. Все мы легли в кюветы. Кончился налет, мы поднялись, а тот остался лежать. Подошли. Оказывается, раненный в плечо, он шел в тыл, в медсанбат, а тут его опять задело осколком в то же плечо. Мы перевязали его, вытерли кровь, и он снова зашагал в тыл. Случай интересен тем, что именно раненый был ранен, да еще в раненную уже руку.

Ближе к двадцатым числам со снарядами стало совсем плохо. Наши снаряды — это гранаты, шрапнель и бронебойные. Больше всего нужна была граната. Раз получаю приказ из штаба полка об открытии батарей беглого огня по такой-то цели или площади. А у меня остались бронебойные, да и то мало. Объясняю положение. А начальником штаба полка тогда стал новый для полка человек. Я ему говорю, что нечем стрелять, а он командует: «Пять снарядов беглый огонь» и грозит расстрелять, в случае невыполнения приказа. Я согласился быть расстрелянным, только просил его прибыть для этого к нам на батарею. Я знал, что командование полка приковано к своим землянкам в небольшой роще, что полоса между ними и нами так простреливается,

что мы даже отказались от проводной связи. И я представляю, как бы мои солдаты (вечная им слава!) отреагировали на расстреливателя.

В батарее было два огневых взвода по две пушки (во втором взводе была одна пушка, вторая — в ремонте) и, соответственно, по два расчета из семи человек в каждом и два командира огневых взводов. Кроме того был взвод управления со своим командиром и хозяйственная часть под надзором старшины батареи. Командиром одного огневого взвода был высокий и тощий лейтенант, бывший ленинградский инженер лет около сорока. Обмундирование ему было коротко, и выглядел он подростком, выросшим из формы. Другой командир взвода был младший лейтенант из хитрых смоленских мужичков. Я строго требовал от командиров взводов, чтобы когда они поднимают расчеты к орудиям, сами находились бы у орудий. Так вот, командир первого взвода во время ведения огня стоял у первого орудия, и, странное дело, длинные ноги его всегда тряслись. На мой вопрос: «Почему?», он отвечал, что ничего с собой не может поделать, но всегда сам командовал огнем. Другой комвзвода, если меня не было рядом, командовал расчетом установки из блиндажа, а точнее — из щели у блиндажа. С ним у меня были стычки, вплоть до угроз револьвером.

Всем на батарее в равной степени было и страшно и опасно. Так, одно время на огневых (в помощь убывающим расчетам) оказались батарейный писарь и парикмахер. Однажды после сильного артналета тяжелыми снарядами из земли вылез почти задохнувшийся писарь, а там под землей оставался еще парикмахер. Хоть и быстро его откопали, но он был уже мертв. В начале артобстрела они стояли рядом с какой-то щелью и, естественно, укрылись туда. Но разрыв у самой щели засыпал их землей.

Страдали и люди, и материальная часть. Одну пушку пришлось заменить, притащив на руках другую из стоявшей в резерве батареи примерно в километре от нас. К счастью, эта операция прошла без потерь.

Кстати, надо рассказать о необычайном случае на месте, где мы брали резервную пушку. Там были еще пушки батарей, не нашедших себе огневых позиций, и в глубокой двухъярусной землянке жили офицеры этих батарей, также составлявшие резерв полка. Однажды авиационная бомба угодила в эту землянку. Живыми оказались двое, лежавшие на верхних нарах и выброшенные взрывной волной далеко от образовавшейся воронки. Один из них, вероятно, был тяжело ранен (без сознания он был эвакуирован в медсанбат). О дальнейшей судьбе его я ничего не знаю. Второй, выброшенный взрывной волной, оказал-

ся только контужен и тоже отправлен в медсанбат. Это был молодой лейтенант, командир взвода Михаил Сергин. Он через 2—3 недели поправился и вернулся в полк. Сергин долго прослужил в полку и с ним многократно происходили случаи, когда из многих он один оказывался невредимым. Даже немцы откуда-то прослышали о нем и одно время через рупоры своей пропаганды на передовой приглашали его к себе. Последний раз я видел Сергина во время нашего наступления в Молдавии, когда он возвращался в часть после очередного ранения. Удачливый был Мишка Сергин.

Теперь надо сказать о нашем командире батареи (даже не помню, был ли он в это время старшим лейтенантом или капитаном), об Иване (позднее узнал, что он Федорович) Пашкове. Вскоре после моего назначения его заместителем нам вместе с комиссаром пришлось принимать новое пополнение. Я обратил внимание, как Иван дотошно расспрашивал прибывающих к нам солдат и внимательно выслушивал их рассказы о семье и их прошлой жизни. (В составе этого пополнения были и выпущенные из тюрем.) И солдаты, даже великовозрастные, всегда относились к нему как к родному отцу. В сентябрьских боях, как уже было сказано, он находился не на батарее, а на наблюдательном пункте в боевых порядках одного из стрелковых полков. По телефону и по радию я получал от него установки и команду на стрельбу, и батарея послушно вела огонь. А часто случалось стреляли мы тремя стоящими рядом батареями. Некоторые солдаты пришли и ушли, так и не увидев своего командира, но авторитет его и уважение к нему были высоки у наших батарейцев, как подтвердили и события нашего выхода из окружения.

Он был на наблюдательном пункте, и я должен был хоть раз в день доставлять ему питание. Каждый раз с котелком или двумя я отправлял на НП солдата. А пространство между батареей и НП, как уже говорилось, интенсивно простреливалось. Уверенности в том, что солдат доставит котелки и вернется, у нас не было. И вот как-то звоню Пашкову, что высылаю такого-то солдата. Он говорит: «Не высылай». Я ему говорю, что ведь и вчера не высылаю ему еды, а он: «Береги людей». И это молодой парень говорит мне, уже умудренному жизнью. Этим он и привязывал к себе людей.

Убывали люди. Резерва для пополнения не было. Не было и боеприпасов. Экскурсии за ними на дорогу участились, а результаты их были все хуже. Боеприпасов не хватало даже не на батарею, а на одну пушку. Около 20 сентября получил я приказ из полка перевезти хоть одну пушку на новые огневые позиции, рядом, чтобы стрелять на пра-

вый фланг и даже в тыл дивизии. Перетащив одно орудие на ближайшую полянку, вытянутую по предстоящему сектору обстрела, я не мог произвести ни одного выстрела. Пока я находился в небольшом укрытии у хобота орудия, все было спокойно, а как только подходил к пушке, по мне откуда-то начинал строчить немецкий пулемет, и пули щелкали по орудью. Так я и не вызывал к нему расчет и не вел огонь.

А на следующий день выяснилось, что мы окружены, и немцы завязали мешок в том месте, где мы входили в прорыв, т.е. севернее деревни Гайтолово. Мы начали голодать. Ночью над нами кружил наш самолет У-2 и наудачу бросал продукты. Так, одним утром мы обнаружили у своих землянок мешок с сухарями, а на полянке перед стволами орудий разбитый ящик с консервами. Однако это было всего раз, а пищи не было. Солдаты стали раскапывать трупы убитых 4-го сентября лошадей и пытались варить их. Но варить — значит жечь костры и дымить, т.е. показывать себя немцам. Серьезного из этой затеи ничего не получилось. Но еще через пару дней появилась у нас группа солдат из тыла с вещмешками с продовольствием. Привел их через немецкое окружение начпрод полка капитан Шараров. Среди этих солдат, добровольно согласившихся пробраться к нам сквозь немцев, был и мой солдат, тот самый, который был ранен в спину щепкой, когда мы лежали под обстрелом в щели радистов. Кстати, он был из числа освобожденных из тюрем, прибывших к нам с последним пополнением. Этот человек делом доказал, что хочет смыть с себя пятно вора-рецидивиста.

Числа 25—26-го сентября вышел приказ перенести (иначе говоря перекатить на руках) орудия на новые огневые, приблизительно на километр глубже в тыл и направить их для стрельбы по месту, где мы входили в прорыв, которое теперь было захвачено немцами.

28 сентября стало известно, что в ночь на 29-е будет выходить из окружения штаб дивизии, а наши пушки должны были поддержать этот выход, прокладывая огнем дорогу выходящим сквозь толщу немцев. Проходя мимо наших пушек, командир штабной батареи, в которой я некоторое время был командиром взвода, сказал мне: «Ну, может быть мы и выйдем, а вам завтра будет труднее». Так оно и было, но в ночь на 29-е не все вышли, хотя мы и пытались поддерживать их огнем наших орудий. В частности, мое орудие, из-за плохой расчистки сектора обстрела (на батарее остался один топор и одна лопата), стреляло так, что некоторые снаряды рвались на ветках стоящей впереди березы. Кстати, среди не вышедших в эту ночь был и тот Афанасьев, который предрекал мне трудности на следующий день. А день начался

с приказа выходить в ночь на 30-е и тащить с собой орудия (у меня их оставалось 2) на руках. Правда, начальство одумалось, и за два часа до выхода был получен приказ орудия зарыть и выходить с личным оружием. Приказ был выполнен с энтузиазмом, хотя у нас была всего одна лопата и один топор. Посменно, кажется, все солдаты приняли участие в захоронении орудий.

Это был вечер 29 сентября. Полк должен был выходить с остатками своих людей, да еще с разрозненными группами из состава многих других частей, оттесняемых немцами. Место сосредоточения для выхода было выбрано примерно в 500 метрах от последних наших огневых на той же дороге вдоль высоковольтной линии, в километре западнее Черной речки.

Мне с несколькими солдатами было приказано явиться в пункт сосредоточения. Тогда я этого не знал, но, оказывается, решено было выходить, по возможности, без боя, цепочкой или гуськом, по тем местам, где прошли к нам невредимыми солдаты во главе с капитаном Шараповым. Шарапов и должен был вести за собой людей, включая командование полка, уцелевших офицеров и солдат, а также группы из других частей даже не нашей дивизии, оттесненные немцами со своих позиций.

Начинало смеркаться, а часть моих солдат во главе со старшиной оставались на последних огневых позициях. И, что еще хуже, там оставались шестеро раненых солдат и раненый же наш новый комиссар батареи. Это был молодой белорус, только что кончивший курсы политруков, еще не имевший офицерского звания, но замечательный человек — Иван Михеев. В последнее время он был главным моим помощником на батарее. Мне обещали, что за солдатами и ранеными специально кого-то пошлют. Но вечерело, а о них никто не думал. Я заявил комиссару дивизиона, что иду лично за своими людьми. Комиссар сказал, что одного меня не пустит. Тогда раздался голос: «Я с вами, товарищ комбат». (А меня так звали для краткости, так как «товарищ старший воентехник» — звание, которое я формально носил, казалось и неудобным для произношения и неприличным строевому командиру.) Со мной вызвался идти опять тот же солдат, который ранен был лежа подо мной и входил в группу, прошедшую через немецкое окружение с продовольствием для нас. По документам из мест заключения его фамилия была Юнаков, а настоящая, как он уверял, — Слива. По национальности он был айсором. Темнело, когда мы отправились за своими людьми. При этом тот же комиссар дивизиона приказал боеспособных людей вывести, а раненых оставить под надзором санинст-

руктора с автоматом. У остальных раненых оружие изъять. За ними будто бы кого-то уже посылают.

Мы забрали здоровых людей, оставили с ранеными, находившимися в землянке, санинструктора и (читатель может себе представить наше настроение) отправились в пункт сосредоточения. Иван Михеев, несколько дней назад получивший касательное ранение в висок, совсем ослаб и не смог с нами идти. Расставаясь, он попросил меня не разоружать его, оставить ему пистолет. Стемнело, и мы, распрощавшись с ранеными и санинструктором, обреченными, как мы понимали, двинулись в пункт сосредоточения.

Здесь собрались группы солдат из разных частей и подразделений нашей и другой дивизий. Во главе оказалось командование нашего артполка с оставшимися в живых офицерами. В потемках на нас вышли несколько немецких автоматчиков, и, построчив из автоматов, отступили, почувствовав, что нас много. Вероятно, нас было более трехсот человек.

Итак, выстроившись цепочкой один за другим, во главе с командованием полка и ведомые капитаном Шараповым, мы впотьмах двинулись к тому месту на Черной речке, где была повалена через нее береза, т.е. был переход. А Черная речка была шириной всего 8—12 метров, но глубокая с обрывистыми берегами. В шинеях не было резона форсировать ее вплавь. Но переход через нее знал только Шарапов.

Цепочка наша двигалась молча, часто ложась под освещением немецких ракет на парашютиках. Как они погаснут, мы снова движемся, иногда держась за плечи идущего впереди. Я шел часто даже не в середине, а в задней половине цепочки. И вот, залегши и встав два раза, я обнаружил, что впереди меня два солдата, которые залегли и отстали от ушедших вперед. Цепочка сзади меня начала волноваться — почему не идем. При свете ракет было обнаружено, что я — командир с тремя кубиками. Собравшись вокруг меня, солдаты решили, что это я их возглавляю, и потребовали, чтобы я их вел дальше. Пройдя по цепочке назад, я обнаружил, что под моим командованием более ста человек. Я потребовал от них безусловного подчинения. При опросе в цепочке не назвался ни один офицер (тогда просто командир). Задержка наша взяла полчаса, и теперь догнать ушедших вперед шансов не было.

Я встал впереди и повел людей за собой, зная только по карте конфигурацию Черной речки, которую предстоит преодолеть. В одном месте у реки нас обстреляли пулеметом, в другом один из нас, оказав-

шийся младшим лейтенантом, подорвался на противопехотной мине, и мы опять были обстреляны из пулеметов. В этом месте нас реже освещали ракеты-фонарики. Наконец я набрел на поваленную через реку березу. Приказал переходить и сосредоточиться на том берегу. Опять убедился, что нас более сотни. В этом месте оказались траншеи не полного профиля, и я решил немного отдохнуть перед броском на бывшую деревню Гайтолово. Направление я выбрал по звездам. Но нас здесь накрыли интенсивным минометным огнем, а после его прекращения стали обтекать немецкие автоматчики. Надо было немедленно подниматься и бросаться в атаку, но я оказался на дне пулеметного гнезда вместе со своим солдатом Юнаковым, а на нас сверху навалились застигнутые минометными разрывами еще два человека. С трудом удалось поднять их и поднять других людей из траншей для рывка в ночной атаке на прорыв окружения. Тут оказался еще один офицер — младший политрук — молодой парень в одной гимнастерке без пилотки, с которым мы и подняли людей в атаку.

В нас палили из всех видов оружия, а нашим главным оружием оказалось «Ура!», да бывшие кое у кого гранаты, так как во время минометного обстрела, когда мы находились в траншеях, землей забросало не только замки автоматов, но и затворы винтовок. Так, затвор бывшего в моих руках карабина так и не закрылся. Мы так истово рвались вперед и так надсаждались в «Ура!», что через пять минут политрук совершенно потерял голос. Главной нашей заботой было, чтобы люди под огнем не залегли. Впереди справа мы слышали жаркий бой. Это товарищи, от которых мы отстали, взяли правее чем надо было, и нарвались на организованную оборону немцев, преодолеть которую им стоило, как выяснилось, бо́льших потерь, чем нам. Там погибли командир полка, начальник штаба и несколько офицеров, не говоря уж о солдатах. Беда их состояла в том, что им не удалось залечь перед кинжальным и перекрестным пулеметным огнем. Вечная память товарищам!

Немцы непрерывно освещали нас ракетами и бешено обстреливали. Рядом со мной падали люди, тем не менее с воплями «Ура!» мы рвались по направлению к Гайтолово. Скоро я потерял из виду младшего политрука, но зато отличился тот самый солдат Юнаков, о котором здесь уже упоминалось. Когда я командовал впереди, он подгонял отстающих, когда я это делал, он командовал впереди за меня, а ночью в суматохе боя не разбирались, кто командует. Важно было растянуться и не рассеяться в мелколесье поймы Черной речки, а действовать концентрированно.

Перед рассветом мы уже прорвались, перепрыгивали через окопы нашего боевого охранения. И спускались на обратный склон Гайтоловских высот. Вышло несколько десятков человек. Там нас уже встречали и направляли по своим частям. Здесь я должен сказать о своем командире батареи Иване Пашкове. Он выходил с первой группой, от которой мы отстали. Однако он с несколькими солдатами оторвался как-то от основной группы и пробивался в несколько ином направлении. Так вот, в ночном бою Пашков был тяжело ранен, но два солдата тащили его на себе сквозь бой и вытащили. Вот какие были у нас командиры! Рискуя собственной жизнью, солдаты несли командира из боя. Но ведь в этом едва ли не бо́льшая честь солдатам. Вот какие были солдаты!

После выхода, где-то в нескольких километрах в тылу, выстроили полк. В нем осталось несколько офицеров и несколько десятков солдат, главным образом из тыловиков, не бывших в окружении. Не было возможности укомплектовать командным составом даже один дивизион. Тем не менее дивизион был создан, и я был назначен начальником его штаба. Полк и всю дивизию перевели глубже в тыл на формирование.

Не могу не упомянуть здесь один эпизод. На пути в тыл мы стали на ночевку. Шел дождь. Мне надо было разместить людей, накормить их, позаботиться о светомаскировке, расставить караулы. Поздно ночью я смог прилечь под елкой и поспать. Дождь продолжался. Еще не уснув, я почувствовал, как часовой, сняв с себя плащ-палатку, укрывает меня ею. Я не подал вида, что не сплю. Но этот жест солдата по отношению к командиру на всю жизнь остался для меня дороже всяких орденов.

Остановившись на формирование, километрах в 20—30 от передовой мы получили приказ дать характеристики уцелевшим солдатам на снятие судимости с пришедших к нам на пополнение из мест заключения. Мне предстояло писать характеристику на не раз уже упомянутого здесь Юнакова. Я написал коротко: «Если я получу боевое задание, связанное с опасностью для жизни, и спросят меня, кого бы я взял себе в товарищи, я отвечу — прежде всего Юнакова». В политотделе моя характеристика вызвала одобрение, и материалы на снятие судимости с Юнакова были отправлены в соответствующие инстанции. Но Юнаков у нас не дождался результатов. У него вдруг катастрофически стало падать зрение. Направили его в медсанбат, оттуда в госпиталь. И так я больше не знаю о судьбе одного из лучших моих солдат.

Кончилась война. Шли годы. Саперы долго продолжали разминировать районы боевых действий на Волховском фронте. Разминирование шло не без жертв. Долго подрывались на минах и жители окрестных селений, и сами саперы. На кладбищах таких поселков, как Назия, Апраксин, Славянка добавилось изрядное число солдатских могил.

Мне хотелось посетить места боев сентября 1942 года и мысленно поклониться лежащим там солдатам. Но мой приятель, служивший в штабе Ленинградского военного округа, предостерегал меня от такой экскурсии, так как там могли остаться неразминированные поля, и тем более отдельные мины. Наконец, весной 1961 года, спустя почти 19 лет, я с товарищем из Зоологического института — моим постоянным охотничьим напарником — приехали на станцию Апраксин и через бывшую деревню Тортолово отправились к бывшей деревне Гайтолово посмотреть на места наших прошлых боев и выхода из окружения.

На месте бывшего Эстонского поселка вырос уже большой дачный поселок Апраксино. Вокруг него, и в частности севернее, где мы воевали, люди давно косили сено, собирали ягоды и грибы, а места еще кишели оружием, неразорвавшимися снарядами и минами, другим военным снаряжением, а главное — человеческими костяками, особенно черепами, хорошо видными на чуть пробивавшейся травке. Особое впечатление на меня произвели многочисленные скелеты близ дороги, ведущей от Тортолово на Гайтолово, где и сложили головы мои товарищи, с которыми мы начали выход из окружения и от которых отстали. По моим представлениям, они выходили именно здесь.

Скелеты лежали группами, в одиночку, почти целые и разрозненные временем и непогодой. Особенно бросались в глаза, как более крупные объекты, черепа. У меня был фотоаппарат, и некоторые костяки я снял.

До бывшего Гайтолова дойти нам не удалось из-за заросших мелким лесом, опутанных колючей проволокой и содержащих много ржавого железа бывших траншей. Мы повернули к дому лесника (он и теперь там стоит) на высоковольтке, и по дороге, по которой я водил батарею в прорыв, пошли искать бывшие мои огневые позиции. Нашли мы там массу трофеев войны. Попадались и снарядные гильзы, и коробки из-под патронов, и термосы для пищи, и котелки, а главное — я нашел мою батарейную кухню, изрядно поломанную, но на том же месте, где мы ее оставили. Нашли мы и пирамидку хомутов,

которую сложили вокруг пенька, когда в первый же день у нас убило 14 лошадей. И нашел я высокий пенек сосны, на которой разорвался снаряд над щелью радистов, где мы лежали, и где подо мной был ранен Юнаков. Но скелетов на бывших огневых позициях не было. Нашли мы и знакомые мне воронки от тяжелых бомб. В частности, нашли и ту, которая образовалась на месте офицерской землянки, из которой выбросило живым только упоминавшегося мной лейтенанта Сергина.

В лесу по обеим сторонам дороги вдоль высоковольтки опять попадались костяки и черепа. Об одном не могу не сказать. Лежала каска, а в ней еще застегнутый ремешком череп. Я сразу вспомнил, что накануне нашего выхода, т.е. 28 сентября, когда выходил штаб дивизии, мимо меня проходил бывший мой командир батареи Афанасьев, и он был единственным человеком в каске, кого я видел тогда. Все мы, и солдаты, и офицеры, были в пилотках. Вот у этой каски, перетянувшей в себя отгнившую голову, мне стало особенно грустно. А вообще касок в тех местах было много, но их оставили воевавшие здесь в 1943 году.

Виденное мной я описал в письме в «Литературную газету» и приложил фотоснимки. Газета письмо не напечатала, а прикомандировала ко мне ленинградского писателя Петра Ойфу, чтобы я показал ему все на месте.

Приехали мы с Ойфой на место, но показать ему я мог только южную периферию описываемого мною района. Дело в том, что Ойфа был в ботинках, а требовались резиновые сапоги. Однако подержал он в руках и остатки мин шестиствольного миномета, и стволы наших винтовок, и пулеметные ленты и поглядел на черепа, на кости.

В «Литературной газете» появилось не мое письмо, а его статья. Как литератор, он кое-что преувеличил, в чем-то ошибся, сгустил краски, а главное — придал мне незаслуженные доблести.

После публикации я получил приглашение показать те же места представителям Тосненского военкомата. Мы с капитаном сели на телегу, которой правил апраксинский лесник. Пока ехали к бывшему Тортолову, я вводил капитана в курс дела. А лесник, местный житель и в довоенные времена, добавил: «Это что, а ведь в сорок пятом, когда я вернулся домой, эти ребята лежали еще в шинелях». А когда я их видел, даже ременные детали снаряжения уже сгнили, остались только металлические.

Капитан не все, но многое увидел.

По решению областного Совета и областного военкомата в 1962 году был организован сбор костяков. 250 человек военнообязанных

цепями ходили по указанным мною и другим соседним местам и собрали более 4 тысяч костячков. Так мне сказали в редакции «Литературной газеты», когда в следующий раз мне случилось там побывать. В газете был опубликован и официальный ответ мне. В нем указывалось, что собранные кости захоронены в Синявине в братской могиле.

С тех пор, пока позволяло здоровье, я каждый год ходил на эти печальной памяти места. По ним прошли и жестокие бои 1943 года по освобождению Ленинграда от блокады. Вероятно, и они добавили костячков к нашим. Спустя годы на этих местах появились могилы известных по именам и неизвестных солдат, памятные знаки и даже памятники павшим в боях в 1943 году, но нигде не сказано, что в сентябре 1942 года здесь насмерть стояла 294-я стрелковая дивизия и в ее составе наш 849-й артиллерийский полк.

СПАСИБО И ВЕЧНАЯ СЛАВА НАШИМ СОЛДАТАМ!

9 ноября 1987 г.